

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

4

■ 2016 (202)

6+

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:

Первый Каменный мост

ИМЕНА:

М. Салтыков-Щедрин

Святою
ночью

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник О. Ионайтис

Вильгельм
Кюхельбекер
(1797–1846)

На Воскресение Христа

Душа моя, ликуй и пой,
Наследница небес:
Христос воскрес, Спаситель твой
Воистину воскрес!

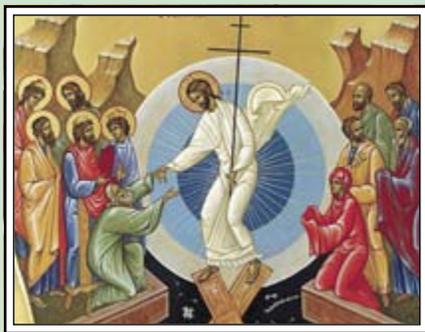
Так! Ад пред Сильным изнемог:
Из гробовых вериг,
Из ночи смерти Сына Бог
И с Ним тебя воздвиг.

Из света вечного Господь
Сошёл в жилище тьмы,
Облекся в персть, оделся в плоть —
Да не погибнем мы!

Неизреченная любовь,
Всех таинств высота!
За нас Свою святую Кровь
Он пролил со креста.

Чистейшей Кровию Своей
Нас, падших, искупил
От мук и гроба, из сетей
И власти темных сил.

Христос воскрес, Спаситель мой
Воистину воскрес.
Ликуй, душа: Он пред тобой
Раскрыл врата небес!

Икона
Воскресение Христово

В номере:

- 3 *Владимир Короленко*
Старый звонарь
- 7 *Антон Чехов*
Святою ночью
- 15 **ИГРОТЕКА**
Пасхальный кроссворд
- 16 **РУССКИЙ МУЗЕУМ**
Даниил Санкин
«Художник живописания» на Руси: Дионисий
- 21 **ИЗ БАБУШКИНОГО СУНДУКА**
Федоскинская миниатюра
- 22 **РАССКАЗЫ**
Юрий Пусов
Небо и ветер. Звёздный путь. Праздник
- 24 **УГОЛОК РОССИИ**
Олег Трушин
Край света Камчатка: День вулкана
- 27 **ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ**
Большой Каменный: первый мост Москвы
- 28 **СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК**
Павел Гусев
Тополинный пух. Запас
- 30 **ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ**
Сергей Глядков
Космос — современные реалии
- 32 **ИМЕНА**
Валентина Коростелёва
«...Ибо любовь эта даст тебе силу...»
- 35 **ШКОЛА БЕЗОПАСНОСТИ**
Владимир Волков
Следы, которые мы оставляем
- 36 **СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА**

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский
Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 1329

© «Роман-газета», 2016 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Старый звонарь

Стемнело. Небольшое селение, приютившееся над дальнейю речкой, в бору, тонуло в том особенном сумраке, которым полны весенние звездные ночи, когда тонкий туман, подымаясь с земли, сгущает тени лесов и застилает открытые пространства серебристо-лазурною дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлет.

Убогие хаты чуть выделяются темными очертаниями; кое-где мерцают огни; изредка скрипнут ворота; залает чуткая собака и смолкнет; порой из темной массы тихо шумящего леса выделяются фигуры пешеходов, проедет всадник, проскрипит телега. То жители одиноких лесных поселков собираются в свою церковь встречать весенний праздник.

Церковь стоит на холмике, в самой середине поселка. Окна её светят огнями. Колокольня — старая, высокая, темная — тонет вершиной в лазури.

Скрипят ступени лестницы... Старый звонарь Михеич поднимается на колокольню, и скоро его фонарик, точно взлетевшая в воздухе звезда, виснет в пространстве.

Тяжело старику взбираться по крутой лестнице. Не служат уже старые ноги, поизносился он сам, плохо видят глаза... Пора уж, пора старику на покой, да Бог не шлет смерти. Хоронил сыновей, хоронил внуков, провожал в домовину старых, провожал молодых, а сам все ещё жив. Тяжело!.. Много уж раз встречал он весенний праздник, потерял счет и тому, сколько раз ждал урочного часа на этой самой колокольне. И вот привел Бог опять...

Старик подошел к пролету колокольни и облокотился на перила. Внизу вокруг церкви маячили в темноте могилы сельского кладбища; старые кресты как будто охраняли их распростертыми руками. Кое-где склонялись над ними березы, ещё не покрытые листьями... Оттуда, снизу, несся к Михеичу ароматный запах молодых почек и веяло грустным спокойствием вечного сна...

Что-то будет с ним через год? Взберется ли он опять сюда, на вышку, под медный колокол, чтобы гулким ударом разбудить чутко дремлющую ночь, или будет лежать... вон там, в темном уголке кладбища, под крестом? Бог знает... Он

готов, а пока привел Бог ещё раз встретить праздник.

«Слава Те, Господи!» — шепчут старческие уста привычную формулу, и Михеич смотрит вверх на горящее миллионами огней звездное небо и крестится...

— Михеич, а Михеич! — зовет его снизу дребезжащий, тоже старческий голос. Древний годами дьячок смотрит вверх на колокольню, даже приставляет ладонь к моргающим и слезящимся глазам, но все же не видит Михеича.

— Что тебе? Здесь я! — отвечает звонарь, склоняясь с своей колокольни. — Аль не видишь?

— Не вижу... А не пора ли и вдарить? По-твоему как?

Оба смотрят на звезды. Тысячи Божьих огней мигают на них с высоты. Пламенный «Воз» поднялся уже высоко... Михеич соображает.

— Нет ещё, погоди мало... Знаю ведь...

Он знает. Ему не нужно часов: Божьи звезды скажут ему, когда придет время... Земля, и небо, и белое облако, тихо плывущее в лазури, и темный бор, невнятно шепчущий внизу, и плеск не видной во мраке речки — все это ему знакомо, все это ему родное... Недаром здесь прожита целая жизнь...

Перед ним оживает далекое прошлое... Он вспоминает, как в первый раз он с тяткой взобрался на эту колокольню... Господи Боже, как это давно и... как недавно!.. Он видит себя белокурый мальчонком; глаза его разгорелись; ветер, — но не тот, что подымает уличную пыль, а какой-то особенный, высоко над землей машущий своими бесшумными крыльями, — развеивает его волосенки... Внизу далеко-далеко ходят какие-то маленькие люди, и домишки деревни тоже маленькие, и лес отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоит поселок, кажется такою громадною, почти безграничною.

— Ан вон она, вся тут! — улыбнулся седой старик, взглянув на небольшую полянку.

Так вот и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Ан вот она вся, как на ладони, с начала и до самой вон той могилки, что облюбовал он себе в углу кладбища... И что ж, — слава Те, Господи! — пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля — ему мать... Скоро, уж скоро!..

Однако пора. Взглянув ещё раз на звезды, Михеич поднялся, снял шапку, перекрестился и стал подбирать веревки от колокольни... Через минуту ночной воздух дрогнул от гулкого удара... Другой, третий, четвертый... один за другим наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучие, звонкие и певучие тоны...

Звон смолк. В церкви началась служба. В прежние годы Михеич всегда спускался по лестнице вниз и становился в углу, у дверей, чтобы молиться и слушать пение. Но теперь он остался на своей вышке. Трудно ему; притом же он чувствовал какую-то истому. Он присел на скамейку и, слушая стихающий гул расколыхавшейся меди, глубоко задумался. О чем? Он сам едва ли мог бы ответить на этот вопрос... Колокольная вышка слабо освещалась его фонарем. Глухо гудящие колокола тонули во мраке; снизу, из церкви, по временам слабым рокотом доносилось пение, и ночной ветер шевелил веревки, привязанные к железным колокольным сердцам...

Старик опустил на грудь свою седую голову, в которой роились бессвязные представления. «Тропарь поют!» — думает он и видит себя тоже в церкви. На клиросе заливаются десятки детских голосов; старенький священник, покойный отец Наум, «возглашает» дрожащим голосом возгласы; сотни мужичьих голов, как спелые колосья от ветру, нагибаются и вновь подымаются... Мужики крестятся... Все знакомые лица и все-то покойники... Вот строгий облик отца; вот и старший брат истово крестится и вздыхает, стоя рядом с отцом. Вот и он сам, цветущий здоровьем и силой, полный бессознательной надежды на счастье, на радости жизни... Где оно, это счастье?.. Старческая мысль вспыхивает, как угасающее пламя, скользя ярким, быстрым лучом, освещающим все закоулки прожитой жизни... Непосильный труд, горе, забота... Где оно, это счастье? Тяжелая доля проведет морщины по молодому лицу, согнет могучую спину, научит вздыхать, как и старшего брата...

Но вот налево, среди деревенских баб, смиренно склонив голову, стоит его «молodiца». Добрая была баба, Царствие Небесное! И много же приняла муки, сердешная... Нужда, да работа, да неис-

ходное бабье горе иссушат красивую молодлицу; потускнеют глаза и выражение вечного тупого испуга перед неожиданными ударами жизни заменит величавую красоту... Да где её счастье?.. Один остался у них сын, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вот и он, богатый ворог, бьет земные поклоны, замаливая кровавые сиротские слезы; торопливо взмахивает он на себя крестное знамение, и падает на колени, и стучает лбом... И кипит-разгорается у Михеича сердце, а темные лики икон сурово глядят со стены на людское горе и на людскую неправду...

Все это прошло, все это там, назади... А теперь весь мир для него — это темная вышка, где ветер гудит в темноте, шевеля колокольными веревками... «Бог вас суди, Бог суди!» — шепчет старик и поникает седую головой, и слезы тихо льются по старым щекам звонаря...

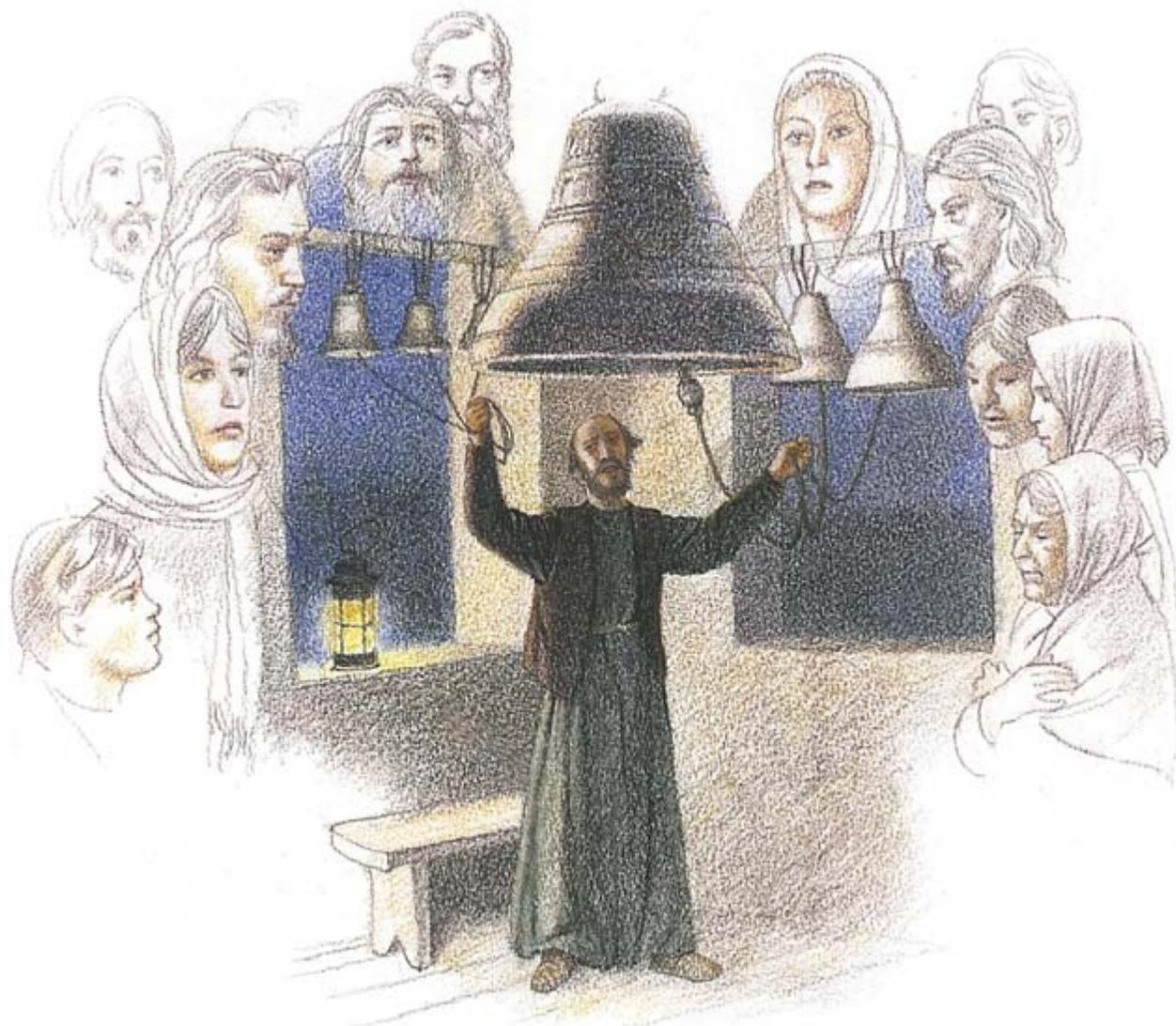
— Михеич, а Михеич!.. Что ж ты, али заснул? — кричат ему снизу.

— Ась? — откликнулся старик и быстро вскочил на ноги. — Господи! Неужто и вправду заснул? Не было ещё экого сраму!..

И Михеич быстро, привычною рукой хватает веревки. Внизу, точно муравейник, движется мужичья толпа: хоругви бьются в воздухе, поблескивая золотистою парчой... Вот обошли крестным ходом вокруг церкви, и до Михеича доносится радостный клич:

— Христо-о-с Воскресе из мерт-вых...

И отдается этот клич волною в старческом сердце... И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули в темноте огни восковых свечей, и сильнее заволновалась толпа, и забились хоругви, и проснувшийся ветер подхватил волны звуков и широкими взмахами понес их ввысь, сливаясь с громким торжественным звоном...

Никогда ещё так не звонил старый Михеич.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло в мертвую медь, и звуки точно пели, трепетали, смеялись, и плакали, и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверх, к самому звездному небу. И звезды вспыхивали ярче, разгорались, и звуки дрожали и лились, и вновь припадали к земле с любовною лаской...

Большой бас громко вскрикивал и кидал властные, могучие тоны, оглашавшие небо и землю: «Христос Воскресе!»

И два тенора, вздрагивая от поочередных ударов железных сердец, подпевали ему радостно и звонко: «Христос Воскресе!»

А два самые маленькие дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вполетались между больших и радостно, точно малые ребята, пели вперегонку: «Христос Воскресе!»

И казалось, старая колокольня дрожит и колеблется, и ветер, обвевающий лицо звонаря, трепещет могучими крыльями и вторит: «Христос Воскресе!»

И старое сердце забыло про жизнь, полную забот и обиды... Забыл старый

звонарь, что жизнь для него сомкнулась в угрюмую и тесную вышку, что он в мире один, как старый пенёк, разбитый злою непогодой... Он слушает, как эти звуки поют и плачут, летят к горнему небу и припадают к бедной земле, и кажется ему, что он окружен сыновьями и внуками, что это их радостные голоса, голоса больших и малых, сливаются в один хор и поют ему про счастье и радость, которых он не видал в своей жизни... И дергает веревки старый звонарь, и слезы бегут по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзией счастья...

А внизу люди слушали и говорили друг другу, что никогда ещё не звонил так чудно старый Михеич...

Но вдруг большой колокол неуверенно дрогнул и смолк... Смущенные подголоски прозвенели неоконченную трелью и тоже оборвали её, как будто вслушиваясь в печально гудящую долгую ноту, которая дрожит, и льётся, и плачет, постепенно стихая в воздухе...

Старый звонарь изнеможенно опустился на скамейку, и две последние слезы тихо катятся по бледным щекам.

Эй, посылайте на смену! Старый звонарь отзвонил...

АНТОН ЧЕХОВ

Святою ночью

Я стоял на берегу Голтвы и ждал с того берега парома. В обыкновенное время Голтва представляет из себя речонку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую из-за густых камышей, теперь же предо мной расстилось целое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захватив огороды, сенокосы и болота, так что на водной поверхности не редкость было встретить одиноко торчащие тополи и кусты, похожие в потемках на суровые утесы.

Погода казалась мне великолепной. Было темно, но я все-таки видел и деревья, и воду, и людей... Мир освещался звездами, которые вплотную усыпали всё небо. Не помню, когда в другое время я видел столько звезд. Буквально некуда было пальцем ткнуть. Тут были крупные, как гусиное яйцо, и мелкие, с конопляное зерно... Ради праздничного парада вышли они на небо все до одной, от мала до велика, умытые, обновленные, радостные, и все до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось в воде; звезды купались в темной

глубине и дрожали вместе с легкой зыбью. В воздухе было тепло и тихо... Далеко, на том берегу, в непроглядной тьме, горело врассыпную несколько ярко-красных огней...

В двух шагах от меня темнел силуэт мужика в высокой шляпе и с толстой, суковатой палкой.

— Как, однако, долго нет парома! — сказал я.

— А пора ему быть, — ответил мне силуэт.

— Ты тоже дожидаясь парома?

— Нет, я так... — зевнул мужик, — люминации дожидаясь. Поехал бы, да, признаться, пяточка на паром нет.

— Я тебе дам пяточок.

— Нет, благодарим покорно... Ужо на этот пяточок ты за меня там в монастыре свечку поставь... Этак любопытней будет, а я и тут постою. Скажи на милость, нет парома! Слово в воду канул!

Мужик подошел к самой воде, взялся рукой за канат и закричал:

— Иероним! Иерони-им!

Точно в ответ на его крик, с того берега донесся протяжный звон большого

колокола. Звон был густой, низкий, как от самой толстой струны контрабаса: казалось, прохрипели сами потемки. Тотчас же послышался выстрел из пушки. Он прокатился в темноте и кончился где-то далеко за моей спиной. Мужик снял шляпу и перекрестился.

— Христос воскрес! — сказал он.

Не успели застыть в воздухе волны от первого удара колокола, как послышался другой, за ним тотчас же третий, и потемки наполнились непрерывным, дрожащим гулом. Около красных огней загорелись новые огни и все вместе задвигались, беспокойно замелькали.

— Иерони-м! — послышался глухой протяжный крик.

— С того берега кричат, — сказал мужик. — Значит, и там нет парома. Заснул наш Иероним.

Огни и бархатный звон колокола манили к себе... Я уж начал терпеть терпение и волноваться, но вот наконец, вглядываясь в темную даль, я увидел силуэт чего-то, очень похожего на виселицу. Это был давно жданный паром. Он подвигался с такою медленностью, что если б не постепенная обрисовка его контуров, то можно было бы подумать, что он стоит на одном месте или же идет к тому берегу.

— Скорей! Иероним! — крикнул мой мужик. — Барин дожидается!

Паром подполз к берегу, покачнулся и со скрипом остановился. На нем, держась за канат, стоял высокий человек в монашеской рясе и в конической шапочке.

— Отчего так долго? — спросил я, вскакивая на паром.

— Простите Христа ради, — ответил тихо Иероним. — Больше никого нет?

— Никого...

Иероним взялся обеими руками за канат, изогнулся в вопросительный знак и крикнул. Паром скрипнул и покачнулся. Силуэт мужика в высокой шляпе стал медленно удаляться от меня — значит, паром поплыл. Иероним скоро выпрямился и стал работать одной рукой. Мы молчали и глядели на берег, к которому плыли. Там уже началась «люминация», которой дожидался мужик. У самой воды громадными кострами пылали смоляные бочки. Отражения их, багровые, как восходящая луна, длинными, широкими полосами ползли к

нам навстречу. Горящие бочки освещали свой собственный дым и длинные человеческие тени, мелькавшие около огня; но далее в стороны и позади них, откуда несся бархатный звон, была всё та же беспросветная, черная мгла. Вдруг, рассекая потемки, золотой лентой взвилась к небу ракета; она описала дугу и, точно разбившись о небо, с треском рассыпалась в искры. С берега послышался гул, похожий на отдаленное «ура».

— Как красиво! — сказал я.

— И сказать нельзя, как красиво! — вздохнул Иероним. — Ночь такая, господин! В другое время и внимания не обратишь на ракеты, а нынче всякой суете радуешься. Вы сами откуда будете?

Я сказал, откуда я.

— Так-с... радостный день нынче... — продолжал Иероним слабым, вздыхающим тенорком, каким говорят выздоравливающие больные. — Радует-ся и небо, и земля, и преисподняя. Празднует вся тварь. Только скажите мне, господин хороший, отчего это даже и при великой радости человек не может скорбей своих забыть?

Мне показалось, что этот неожиданный вопрос вызывал меня на один из тех «продлинновенных», душеспасительных разговоров, которые так любят праздные и скучающие монахи. Я не был расположен много говорить, а потому только спросил:

— А какие, батюшка, у вас скорби?

— Обыкновенно, как и у всех людей, ваше благородие, господин хороший, но в нынешний день случилась в монастыре особая скорбь: в самую обедню, во время паремий, умер иеродьякон Николай...

— Что ж, это Божья воля! — сказал я, подделываясь под монашеский тон. — Всем умирать нужно. По-моему, вы должны ещё радоваться... Говорят, что кто умрет под Пасху или на Пасху, тот непременно попадет в Царство Небесное.

— Это верно.

Мы замолчали. Силуэт мужика в высокой шляпе слился с очертаниями берега. Смоляные бочки разгорались всё более и более.

— И Писание ясно указывает на суету скорби и размышление, — прервал молчание Иероним, — но отчего же душа скорбит и не хочет слушать разума? Отчего горько плакать хочется?

Иероним пожал плечами, повернулся ко мне и заговорил быстро:

— Умри я или кто другой, оно бы, может, и незаметно было, но ведь Николай умер! Никто другой, а Николай! Даже поверить трудно, что его уж нет на свете! Стою я тут на пароме, и всё мне кажется, что сейчас он с берега голос свой

да и только! Вы изумитесь, ежели я вам объясню! Отец архимандрит у нас из московских, отец наместник в Казанской академии кончил, есть у нас и иеромонахи разумные, и старцы, но ведь, скажи пожалуйста, ни одного такого нет, чтобы писать умел, а Николай, простой монах, иеродьякон, нигде не обучался и

подаст. Чтобы мне на пароме страшно не казалось, он всегда приходил на берег и окликал меня. Нарочито для этого ночью с постели вставал. Хорошая душа! Боже, какая хорошая и милостивая! У иного человека и матери такой нет, каким у меня был этот Николай! Спаси, Господи, его душу!

Иероним взялся за канат, но тотчас же опять повернулся ко мне.

— Ваше благородие, а ум какой светлый! — сказал он певучим голосом. — Какой язык благозвучный и сладкий! Именно, как вот сейчас будут петь в заутрени: «О, любезнаго! о, сладчайшаго твоего гласа!» Кроме всех прочих человеческих качеств, в нем был ещё и дар необычайный!

— Какой дар? — спросил я.

Монах оглядел меня и, точно убедившись, что мне можно верить тайны, весело засмеялся.

— У него был дар акафисты писать... — сказал он. — Чудо, господин,

даже видимости наружной не имел, а писал! Чудо! Истинно чудо!

Иероним всплеснул руками и, совсем забыв про канат, продолжал с увлечением:

— Отец наместник затрудняется проповеди составлять; когда историю монастыря писал, то всю братию загонял и раз десять в город ездил, а Николай акафисты писал! Акафисты! Это не то что проповедь или история!

— А разве акафисты трудно писать? — спросил я.

— Большая трудность... — покрутил головой Иероним. — Тут и мудростью и святостью ничего не поделаешь, ежели Бог дара не дал. Монахи, которые не понимающие, рассуждают, что для этого нужно только знать житие святого, которому пишешь, да с прочими акафистами соображаться. Но это, господин, неправильно. Оно конечно, кто пишет акафист, тот должен знать житие до чрезвычайности, до последней самома-

лейшей точки. Ну и соображаться с прочими акафистами нужно, как где начать и о чем писать. К примеру сказать вам, первый кондак везде начинается с «возбранный» или «избранный»... Первый икос всегда надо начинать с ангела. В акафисте к Иисусу Сладчайшему, ежели интересуетесь, он начинается так: «Ангелов творче и господи сил», в акафисте к Пресвятой Богородице: «Ангел предстатель с небесе послан бысть», к Николаю Чудотворцу: «Ангела образом, земнаго суца естеством» и прочее. Везде с ангела начинается. Конечно, без того нельзя, чтобы не соображаться, но главное ведь не в житии, не в соответствии с прочим, а в красоте и сладости. Нужно, чтоб всё было стройно, кратко и обстоятельно. Надо, чтоб в каждой строчечке была мягкость, ласковость и нежность, чтоб ни одного слова не было грубого, жесткого или несоответствующего. Так надо писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил. В богородичном акафисте есть слова: «Радуйся, высоту, неудобовосходимая человеческими помыслы; радуйся, глубино, неудобозримая и ангельскими очима!» В другом месте того же акафиста сказано: «Радуйся, древо светлоплодовитое, от него же питаются вернии; радуйся, древо благосеннолиственное, им же покрываются мнози!»

Иероним, словно испугавшись чего-то или застыдившись, закрыл ладонями лицо и покачал головой.

— Древо светлоплодовитое... древо благосеннолиственное... — пробормотал он. — Найдёт же такие слова! Даст же Господь такую способность! Для краткости много слов и мыслей пригонит в одно слово, и как это у него всё выходит плавно и обстоятельно! «Светоподательна светильника сущим...» — сказано в акафисте к Иисусу Сладчайшему. Светоподательна! Слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах, а ведь придумал же его, нашел в уме своем! Кроме плавности и велеречия, сударь, нужно ещё, чтоб каждая строчечка изукрашена была всячески, чтоб тут и цветы были, и молния, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого. И всякое восклицание нужно так составить, чтоб оно было гладенько и для уха вольготней. «Радуйся, крине райскаго прозябе-

ния!» — сказано в акафисте Николаю Чудотворцу. Не сказано просто «крине райский», а «крине райскаго прозябения!» Так глаже и для уха сладко. Так именно и Николай писал! Точь-в-точь так! И выразить вам не могу, как он писал!

— Да, в таком случае жаль, что он умер, — сказал я. — Однако, батюшка, давайте плыть, а то опоздаем...

Иероним спохватился и побежал к канату. На берегу начали перезванивать во все колокола. Вероятно, около монастыря происходил уже крестный ход, потому что всё темное пространство за смоляными бочками было теперь усыпано двигающимися огнями.

— Николай печатал свои акафисты? — спросил я Иеронима.

— Где ж печатать? — вздохнул он. — Да и странно было бы печатать. К чему? В монастыре у нас этим никто не интересуется. Не любят. Знали, что Николай пишет, но оставляли без внимания. Нынче, сударь, новые писания никто не уважает!

— С предубеждением к ним относятся?

— Точно так. Будь Николай старцем, то, пожалуй, может, братия и полюбопытствовала бы, а то ведь ему ещё и сорока лет не было. Были которые смеялись и даже за грех почитали его писание.

— Для чего же он писал?

— Так, больше для своего утешения. Из всей братии только я один и читал его акафисты. Приду к нему потихоньку, чтоб прочие не видели, а он и рад, что я интересуюсь. Обнимет меня, по голове гладит, ласковыми словами обзывает, как дитя маленького. Затворит келью, посадит меня рядом с собой и давай читать...

Иероним оставил канат и подошел ко мне.

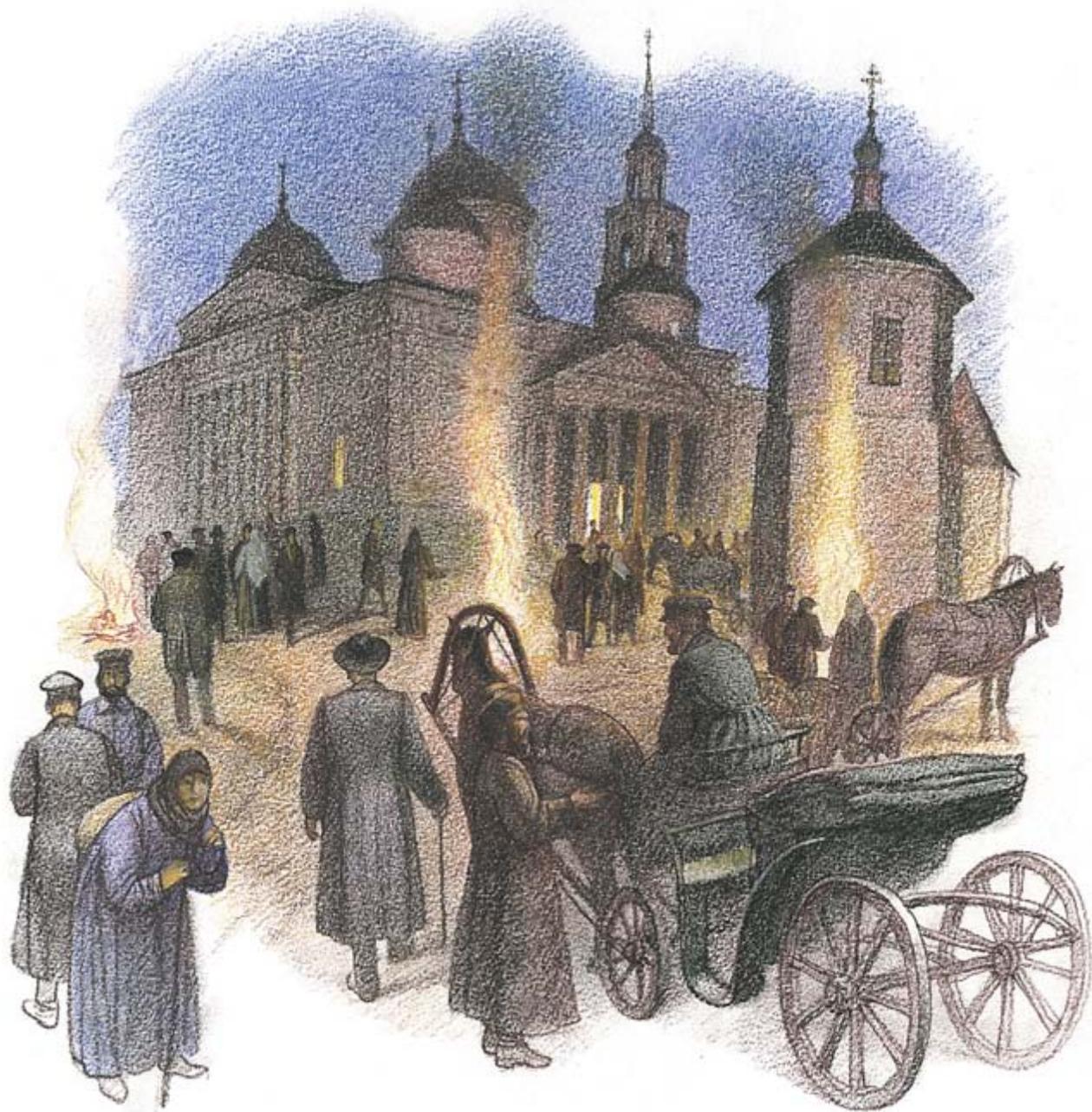
— Мы вроде как бы друзья с ним были, — зашептал он, глядя на меня блестящими глазами. — Куда он, туда и я. Меня нет, он тоскует. И любил он меня больше всех, а всё за то, что я от его акафистов плакал. Вспоминать трогательно! Теперь я всё равно как сирота или вдовица. Знаете, у нас в монастыре народ всё хороший, добрый, благочестивый, но... ни в ком нет мягкости и деликатности, всё равно как люди простого

звания. Говорят все громко, когда ходят, ногами стучат, шумят, кашляют, а Николай говорил всегда тихо, ласково, а ежели заметит, что кто спит или молится, то пройдет мимо, как мушка или комарик. Лицо у него было нежное, жалостное...

Иероним глубоко вздохнул и взялся за канат. Мы уже приближались к берегу. Прямо из потемок и речной тишины мы постепенно вплывали в заколдованное царство, полное удушливого дыма,

трещащего света и гама. Около смоляных бочек, уж ясно было видно, двигались люди. Мельканье огня придавало их красным лицам и фигурам странное, почти фантастическое выражение. Изредка среди голов и лиц мелькали лошадиные морды, неподвижные, точно вылитые из красной меди.

— Сейчас запоют пасхальный канон... — сказал Иероним, — а Николая нет, некому вникать... Для него слаже и писания не было, как этот канон. В каж-

дое слово, бывало, вникал! Вы вот будете там, господин, и вникните, что поется: дух захватывает!

— А вы разве не будете в церкви?

— Мне нельзя-с... Перевозить нужно...

— Но разве вас не сменят?

— Не знаю... Меня ещё в девятом часу нужно было сменить, да вот, видите, не сменяют!.. А, признаться, хотелось бы в церковь...

— Вы монах?

— Да-с... то есть я послушник.

Паром врезался в берег и остановился. Я сунул Иерониму пятак за провоз и прыгнул на сушу. Тотчас же телега с мальчиком и со спящей бабой со скрипом въехала на паром. Иероним, слабо окрашиваемый огнями, налег на канат, изогнулся и сдвинул с места паром...

Несколько шагов я сделал по грязи, но далее пришлось идти по мягкой, свежепротопанной тропинке. Эта тропинка вела к темным, похожим на впадину, монастырским воротам сквозь облака дыма, сквозь беспорядочную толпу людей, распряженных лошадей, телег, бричек. Всё это скрипело, фыркало, смеялось, и по всему мелькали багровый свет и волнистые тени от дыма... Суций хаос! И в этой толкотне находили ещё место заряжать маленькую пушку и продавать пряники!

По ту сторону стены, в ограде, происходила не меньшая суетня, но благочиния и порядка наблюдалось больше. Тут пахло можжевельником и росным ладаном. Говорили громко, но смеха и фырканы не слышалось. Около могильных памятников и крестов жалась друг к другу люди с куличами и узлами. По-видимому, многие из них приехали святить куличи издалека и были теперь утомлены. По чугунным плитам, которые лежали полосой от ворот до церковной двери, суетливо, звонко стуча сапогами, бегали молодые послушники. На колокольне тоже возились и кричали.

«Какая беспокойная ночь! — думал я. — Как хорошо!»

Беспокойство и бессонницу хотелось видеть во всей природе, начиная с ночной тьмы и кончая плитами, могильными крестами и деревьями, под которыми суетились люди. Но нигде возбуждение и беспокойство не сказывались так

сильно, как в церкви. У входа происходила неугомонная борьба прилива с отливом. Одни входили, другие выходили и скоро опять возвращались, чтобы постоять немного и вновь задвигаться. Люди снуют с места на место, слоняются и как будто чего-то ищут. Волна идет от входа и бежит по всей церкви, тревожа даже передние ряды, где стоят люди солидные и тяжелые. О сосредоточенной молитве не может быть и речи. Молитв вовсе нет, а есть какая-то сплошная, детски-безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться в каком-нибудь движении, хотя бы в беспардонном шатании и толкотне.

Та же необычайная подвижность бросается в глаза и в самом пасхальном служении. Царские врата во всех приделах открыты настежь, в воздухе около паникадила плавают густые облака ладанного дыма; куда ни взглянешь, всюду огни, блеск, треск свечей... Чтений не полагается никаких; пение, суетливое и веселое, не прерывается до самого конца; после каждой песни в каноне духовенство меняет ризы и выходит кадить, что повторяется почти каждые десять минут.

Не успел я занять места, как спереди хлынула волна и отбросила меня назад. Передо мной прошел высокий плотный дьякон с длинной красной свечой; за ним спешил с кадилом седой архимандрит в золотой митре. Когда они скрылись из виду, толпа оттиснула меня опять на прежнее место. Но не прошло и десяти минут, как хлынула новая волна и опять показался дьякон. На этот раз за ним шел отец наместник, тот самый, который, по словам Иеронима, писал историю монастыря.

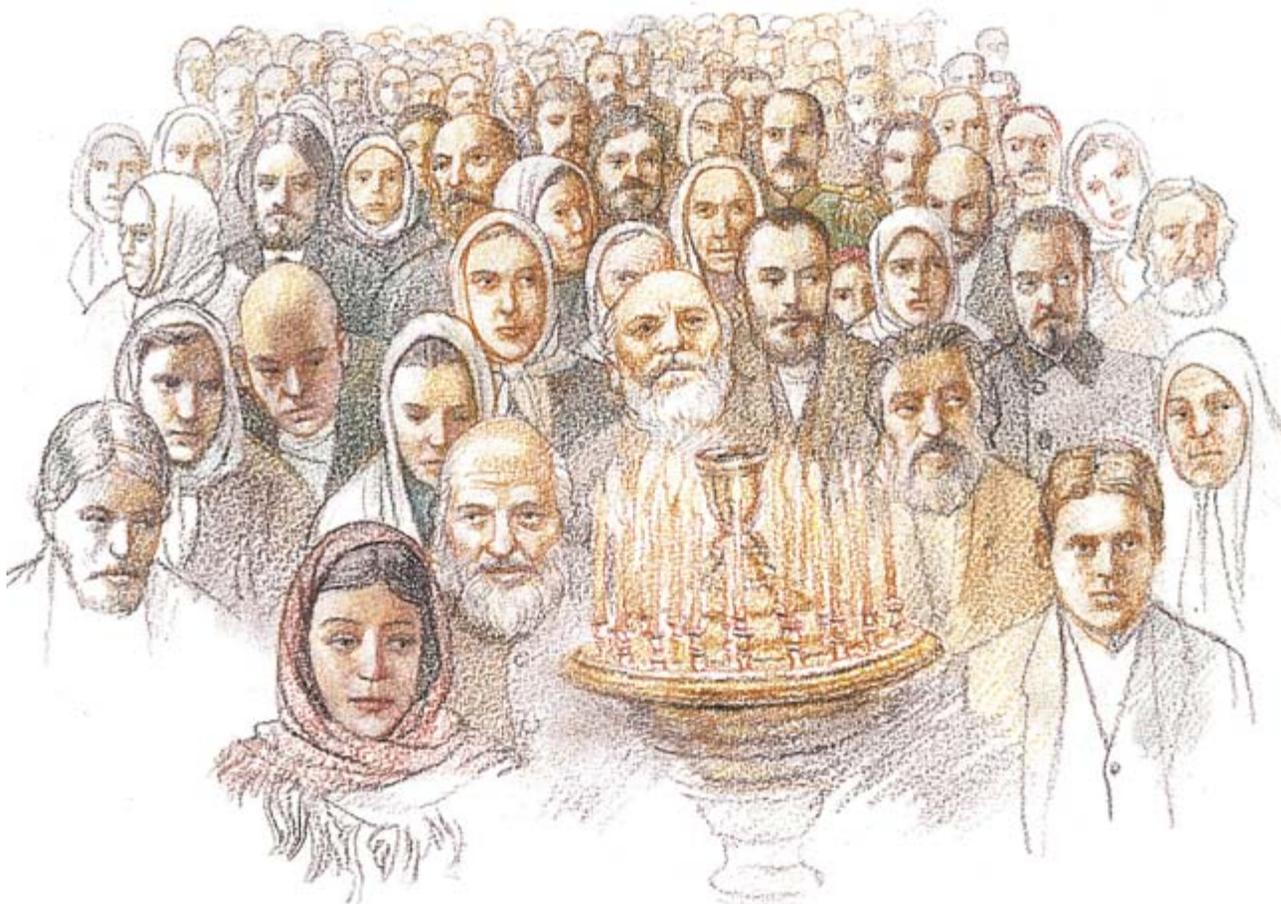
Мне, слившемуся с толпой и заразившемуся всеобщим радостным возбуждением, было невыносимо больно за Иеронима. Отчего его не сменят? Почему бы не пойти на паром кому-нибудь менее чувствующему и менее впечатлительному?

«Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь... — пели на клиросе, — се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя...»

Я поглядел на лица. На всех было живое выражение торжества; но ни один

человек не вслушивался и не вникал в то, что пелось, и ни у кого не «захватывало духа». Отчего не сменят Иеронима? Я мог себе представить этого Иеронима, смиренно стоящего где-нибудь у стены, согнувшегося и жадно ловящего красоту святой фразы. Всё, что теперь проскальзывало мимо слуха стоявших

ряд монашеских келий, заглянул в несколько окон и, ничего не увидев, вернулся назад. Теперь я не сожалею, что не видел Николая; бог знает, быть может, увидев его, я утратил бы образ, который рисует теперь мне мое воображение. Этого симпатичного поэтического человека, выходявшего по ночам пере-

около меня людей, он жадно пил бы своей чуткой душой, упился бы до восторгов, до захватывания духа, и не было бы во всём храме человека счастливее его. Теперь же он плывал взад и вперед по темной реке и тосковал по своему умершем брате и друге.

Сзади хлынула волна. Полный, улыбающийся монах, играя четками и оглядываясь назад, боком протискался около меня, пролагая путь какой-то даме в шляпке и бархатной шубке. Вслед за дамой, неся над нашими головами стул, торопился монастырский служка.

Я вышел из церкви. Мне хотелось посмотреть мертвого Николая, безвестного сочинителя акафистов. Я прошелся около ограды, где вдоль стены тянулся

кликаться с Иеронимом и пересыпавшего свои акафисты цветами, звездами и лучами солнца, не понятого и одинокого, я представляю себе робким, бледным, с мягкими, кроткими и грустными чертами лица. В его глазах, рядом с умом, должна светиться ласка и та едва сдерживаемая, детская восторженность, какая слышалась мне в голосе Иеронима, когда тот приводил мне цитаты из акафистов.

Когда после обедни мы вышли из церкви, то ночи уже не было. Началось утро. Звезды погасли, и небо представлялось серо-голубым, хмурым. Чугунные плиты, памятники и почки на деревьях были подернуты росой. В воздухе резко чувствовалась свежесть. За

оградой уже не было того оживления, какое я видел ночью. Лошади и люди казались утомленными, сонными, едва двигались, а от смоляных бочек оставались одни только кучки черного пепла. Когда человек утомлен и хочет спать, то ему кажется, что то же самое состояние переживает и природа. Мне казалось,

лениво глядящими глазами и с нечесаной клиновидной бородкой. Вид у него был необыкновенно грустный и утомленный.

— Вас ещё не сменили? — удивился я.

— Меня-с? — переспросил он, поворачивая ко мне свое озябшее, покрытое росой лицо и улыбаясь. — Теперь уж не-

что деревья и молодая трава спали. Казалось, что даже колокола звонили не так громко и весело, как ночью. Беспокойство кончилось, и от возбуждения осталась одна только приятная истома, жажда сна и тепла.

Теперь я мог видеть реку с обоими берегами. Над ней холмами то там, то сям носился легкий туман. От воды веяло холодом и суровостью. Когда я прыгнул на паром, на нем уже стояла чья-то бричка и десятка два мужчин и женщин. Канат, влажный и, как казалось мне, сонный, далеко тянулся через широкую реку и местами исчезал в белом тумане.

— Христос воскрес! Больше никого нет? — спросил тихий голос.

Я узнал голос Иеронима. Теперь ночные потемки уж не мешали мне разглядеть монаха. Это был высокий узкоплечий человек, лет 35, с крупными округлыми чертами лица, с полузакрытыми,

кому сменять до самого утра. Все к отцу архимандриту сейчас разговляться пойдут-с.

Он да ещё какой-то мужичок в шапке из рыжего меха, похожей на липовки, в которых продают мед, поналегли на канат, дружно крякнули, и паром тронулся с места.

Мы поплыли, беспокоя на пути лениво подымавшийся туман. Все молчали. Иероним машинально работал одной рукой. Он долго водил по нас своими кроткими, тусклыми глазами, потом остановил свой взгляд на розовом чернобровом лице молоденькой купчихи, которая стояла на пароме рядом со мной и молча пожималась от обнимавшего её тумана. От её лица не отрывал он глаз в продолжение всего пути.

В этом продолжительном взгляде было мало мужского. Мне кажется, что на лице женщины Иероним искал мягких и нежных черт своего усопшего друга.

Пасхальный кроссворд

После распятия и смерти Иисуса друзья сняли Его тело и положили в (2), предназначенную для погребения. Вход закрыли огромным камнем. Власти поставили около входа в пещеру (9) — они боялись, как бы последователи Иисуса не украли Его тело.

Рано утром в (5) несколько женщин взяли ароматы и (13) для помазания (6) Иисуса и отправились к пещере. Тело Иисуса из-за праздника не успели приготовить к погребению, как того требовал иудейский (4).

Женщины молча вошли в сад. Они думали о том, как им попасть в пещеру, (5) в которую закрыт тяжелым (8). Но когда они подошли поближе, то вскрикнули от удивления. Огромный камень был (3) и стража исчезла!

Женщины вбежали в пещеру — она была пуста. Женщины встревожились. В это вре-

мя они увидели двух (14) в сияющих светлых одеждах, стоявших возле (1). Женщины не верили своим глазам.

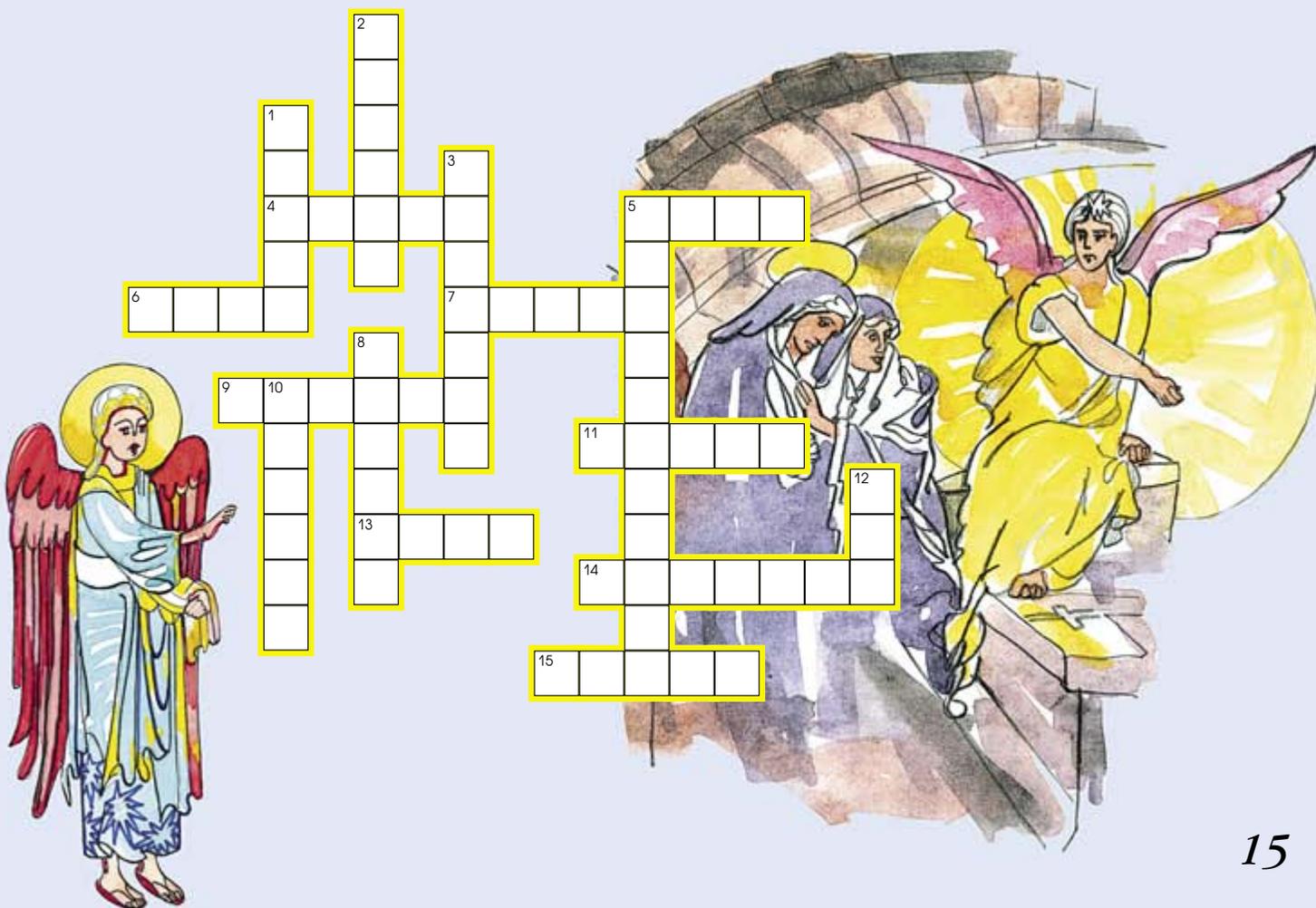
«Почему вы ищете Иисуса здесь? — спросили ангелы. — Он воскрес! Разве вы забыли, как Он говорил вам, что Ему надлежит умереть и воскреснуть в (10) день? Так и случилось. Идите и расскажите это ученикам».

Женщины поспешили обратно по городским улицам. «(7) жив! Ангелы говорили с нами!» — повторяли они, задыхаясь от быстрой ходьбы.

Женщины прибежали к дому, где собирались их друзья, и начали стучать в (15). «Откройте, — звали они учеников. — Мы принесли вам радостную (11): Иисус (12)!»

Источник: www.eroshka.ru

Ответы на с. 36

Даниил Санкин

ДИОНИСИЙ

Богоматерь Одигитрия. 1482 г

Дионисий (родился около 1450 года, скончался около 1520 года) — выдающийся русский иконописец, среди других, Феофана Грека, преподобного Андрея Рублева, олицетворяющий собой Золотой век русской иконописи. Он был современником знаменитых творцов эпохи

Возрождения Боттичелли, Дюрера, Рафаэля, Микеланджело и Леонардо да Винчи.

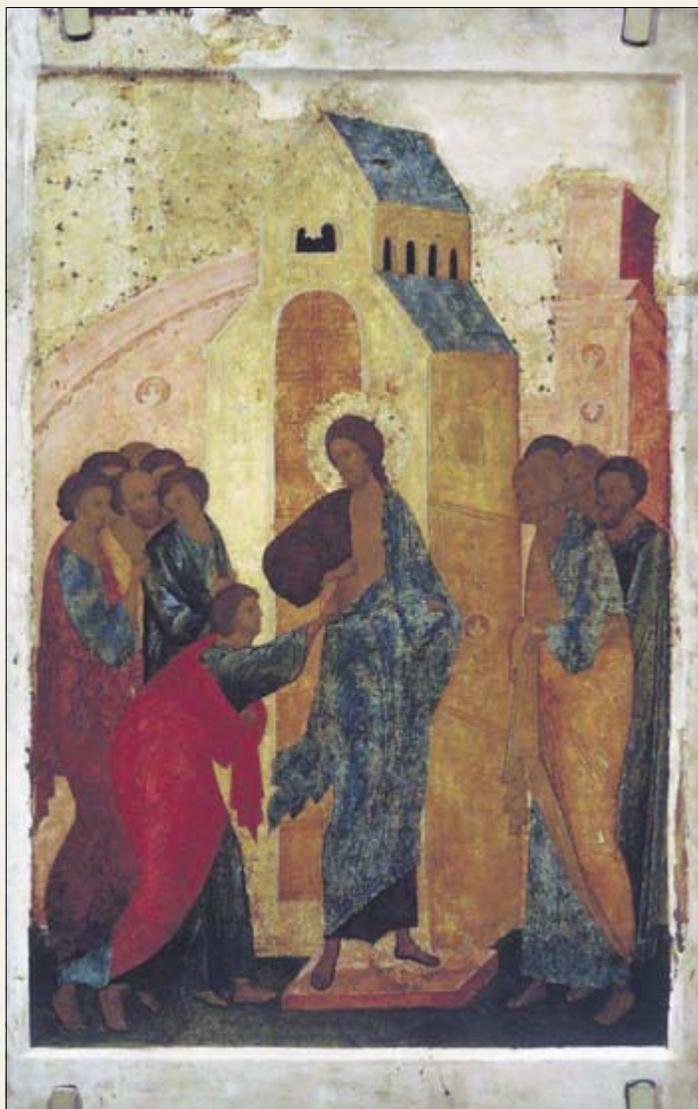
Продолжая и развивая традиции и наследие Андрея Рублева, Дионисий создавал произведения, отражающие подъем русской культуры в эпоху формирования централизованного Рус-

Чудо в Кане Галилейской

ского государства. Процесс объединения русских земель завершился к концу XV — началу XVI века присоединением к Москве Новгорода, Твери и Пскова. Осенью 1480 года была одержана победа на реке Угре, ознаменовавшая освобождение от ордынского ига.

Новое положение Москвы как столицы единого обширного европейского государства вызвало необходимость перестройки Московского Кремля. В конце XV века при Иване III заново возводятся Успенский Собор, для которого в 1481 году Дионисий создает фрески и иконостас (1475–1479),

Кирилл Белозерский с житием. Начало XVI века

Уверение Фомы. 1500 г.

Святой митрополит Пётр с житием. Конец XV века

Благовещенский собор (1484–1489), строится церковь Ризоположения (1484–1486).

С этим периодом связано творчество крупнейшего после Андрея Рублева художника Древней Руси Дионисия, работавшего в обстановке духовного подъема и грандиозного строительства. В многочисленных исторических источниках, где упоминается имя Дионисия, летописцы характеризуют его как мудрого человека и талантливого художника, используют эпитеты «мудрый», «пресловущий паче всех в таком деле», «началохудожник живописания». К нему обращены трактаты виднейшего публициста, писателя и общественного деятеля того времени Иосифа Волоцкого.

Тематику творчества Дионисия определяют религиозно-философские идеи общественного служения и долга, особое понимание роли Руси в ходе истории. Работам Дионисия присущи уверенный изящный рисунок, легкий прозрачный колорит, особая согласованность и пластичность композиции. Расцвет деятельности знаменитого иконописца приходится на время его работы в начале XVI века в северных монастырях Заволжья, в Белозер-

Роспись церкви Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре. 1502 г.

ском и Вологодском краях. В этот период, в 1502 году, Дионисий вместе с сыновьями-иконописцами Феодосием и Владимиром создает уникальный ансамбль фресок и икон Рождественского собора Ферапонтова монастыря, расположенного в 570 км к северу от Москвы (ныне Вологодская обл.), единственную сохранившуюся стенопись Дионисия.

Фрески Ферапонтова монастыря занесены в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО и включены в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов России. Росписи в соборе Рождества Богородицы, созданные знаменитым московским художником Дионисием, сохранились без реставрации и обновления до нашего времени. Иконописец Дионисий, известный своими иконами и стенописями в Москве и в монастырях Московского княжества, был приглашен со своей артелью для росписи первого каменного собора Ферапонтова монастыря архиепископом Ростовским Иоасафом.

Система росписи Дионисия сохраняет связь с памятниками византийского круга XIV — начала XV века, а отчасти и более раннего времени, и вместе с тем является примером своеобразного сочетания сюжетов и тем, известных по це-

Барвара Великомученица

Сошествие во ад. 1495–1504 гг.

Вологда. Ферапонтов монастырь. Фреска

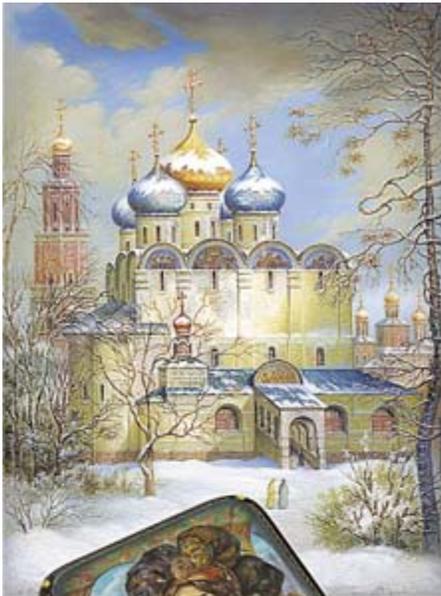
лому ряду других русских ансамблей, в частности, по фрескам Успенского собора Московского Кремля. Тематика стенописей Рождественского собора не была непосредственно соотнесена с русской действительностью, но в силу своей емкости приобрела актуальный характер, чему способствовали изображения русских святых, в том числе московских митрополитов и других сюжетов, характерных для искусства Руси.

После разрушения немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны прославленных новгородских храмов XII–XV веков (Спаса на Нередице, Успения на Волотовом поле, Спаса на Ковалево, Архангела Михаила на Сквородке) росписи Дионисия остались одним из немногих уцелевших фресковых ансамблей Древней Руси. Площадь стенописи собора около 600 кв. м. Среди древнерусских памятников эти фрески выделяет полная сохранность никогда не поновлявшейся авторской живописи. Стенопись Рождественского собора, как показали научно-исследовательские работы, имеет прочный грунт и отличается хорошим состоянием красочных слоев.

Выдающийся иконописец Дионисий также известен благодаря росписям в Пафнутьево-Боровском монастыре, Успенском соборе Иосифо-Волоколамского монастыря; сохранились иконы Дионисия, написанные им для заволжских монастырей (Павло-Обнорского, Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского). Наиболее известные из икон, созданных Дионисием, «Митрополит Петр с житием», «Митрополит Алексей с житием» (1481), «Богородица Одигитрия» (1482), «Крещение Господне» (1500), «Спас в силах» и «Распятие» (1500), «Сошествие во ад».

Федоскинская МИНИАТЮРА

Федоскинская миниатюра — вид традиционной русской лаковой миниатюрной живописи масляными красками на папье-маше, сложившийся в конце XVIII века в подмосковном селе Федоскино. Излюбленными мотивами росписи федоскинских миниатюристов стали популярные в то время сюжеты: «тройки», «чаепития», сцены из русской и малороссийской крестьянской жизни. Более всего ценились ларцы и шкатулки, украшенные сложными многофигурными композициями — копиями картин русских и западноевропейских художников.

Рассказы- горошины

Небо и ветер

Воздушный змей был в виде расплавленной крылья большой летучей мыши. Шнурок на него тут же стойку сделал и два раза гавкнул. Саня и Варя Лётчиковы, не сговариваясь, кивнули и стали считать карманные деньги. Их хватило копейка в копейку.

— Это неспроста! — решили ребята, купили змея и стали ждать ветра.

Утром Саня разбудил Варю в шесть утра.

— Ветер! — шепнул брат.

Сестра тут же вскочила, натянула платье, сунула ноги в сланцы. Саня и Варя поспешили на поле. Змея нёс брат. Бечёвку — сестра. Шнурок бегал кругами и поскуливал. Ветер трепал одежду и волосы и старался вырвать змея из рук.

Отпущенный на волю ветра змей тут же рванулся в небо.

Громкое «Ура!» понеслось следом.

Он поднимался всё выше и выше, превращаясь в точку. Но тут бечёвка кончилась и катушка вырвалась из рук.

— Держи! — закричал Саня и первым рванулся следом за улетающим кончиком верёвки.

Змей, потерявший связь с землёй, за метался в небе и начал падать. А ветер подхватил бечёвку и стал с ней играть, не давая ухватить.

— Гав-гав! — громче всех закричал Шнурок, догнал, подпрыгнул, щёлкнул зубами и повис.

Змей выровнялся и потащил щенка за собой в небо. Сначала от земли оторвались передние лапы. Шнурок пробежал на задних несколько шагов и взлетел. Ветер трепал хвост и уши пилота воздушного змея. Щенячий восторг заполнил собачью душу! Шнурок раскинул лапы и уносился всё выше...

Но тут Саня поймал его и вернул на землю.

— Мне! Дай мне! — закричала Варя. — Вдруг змей и меня поднимет?!

— Не дам, — сказал брат. — А вдруг поднимет?

До обеда дул ветер. А потом перестал. Ребята сложили змея и пошли домой.

После обеда Саня занялся проектированием такого змея, на котором можно путешествовать всем вместе. Варя составляла список необходимых в полёте вещей. А Шнурок сидел у окна и провожал взглядом пролетающих птиц.

Звёздный путь

Внебе над палаткой горели звёзды. Дима Чумаков лежал у потухшего костра и смотрел на Млечный Путь. Он шагал по нему глазами, стараясь не мигать, чтобы не оступиться. Не хочется упасть с неба. Там ночью такая красота!

Вчера Дима весь день корпел над звёздным атласом. Вега, Спика, Мицар, Сириус...

А сейчас он просто шагал, перепрыгивая со звезды на звезду. Стараясь ступать осторожно, чтобы не потревожить, не погасить. И за всё путешествие Дима не вспомнил ни одного названия.

А всё потому, что имена дают люди.

А звёзды дают радость!

Праздник

Шар. Шар. Шар. Шар.
Еще шар. И ещё шар.

— Смотри, праздник у кого-то!

— Тащи рогатку!

Бум! Бум-бум!

— Это кто там хулиганит?!

— А-а-а!

— Не плачь, милая! Сейчас у меня кто-то... получит!

Бум!

— А-а-а-а!

Сбежали, конечно. Даже не стали смотреть, кто там такой грозный. И вот прикольно вроде бы, но это «а-а-а!» до

сих пор в ушах. Точно праздник испортили кому-то.

— Ха! Круто постреляли!

— И чо делать будем?

— Ну, уйдет щас, мы добьем.

— А это видел?

— Ты чо?!!

— Ничо! Иди отсюда!

Димка ушёл, а я побежал в магазин. Деньги были. Со дня рожденья осталось.

Шар! Шар! Шар!

И ещё пятнадцать шаров. На больше не хватило.

Они плыли надо мной, и я словно летел под ними. Вот этот двор.

— Здравствуйте! Это подарок.

— Мне? Папа! Ой, сколько! Дай, а?

— Смотри, не улети. И не плачь больше.

Девочка засмеялась и запрыгала. Я только в кино видел, чтобы так радовались. И я вдруг почувствовал себя счастливым.

КРАЙ СВЕТА

ОЧЕРКИ О КАМЧАТКОМ ПУТЕШЕСТВИИ

КАМЧАТКА

День вулкана

Увидеть камчатские вулканы было моим давним непреодолимым желанием. В своё время я успел налюбоваться Крымскими и Уральскими горами, Алтаем, Карпатами и даже горами Тянь-Шань с Памиром, а вот вулканы не видел. Если бы не грандиозное расстояние до полуострова — шутка ли, чтобы добраться до Камчатки, нужно перелететь почти всю Россию от края до края. Ну, уж если собрался на Камчатку вулканы не минуешь! Обязательно увидишь хоть издалека, ну а если повезёт, то и, может быть, сможешь подняться, скажем, на Авачинский или Мутновский. Одним словом, вулканы на Камчатке сами тебя «найдут»!

Камчатка — это царство вулканов. С вулканов начинается этот далёкий российский край, раскинувшийся у самого Тихого океана! Это

общепринято, и знаем мы это со школьной скамьи. «Эй, Камчатка!» — прикрикивал учитель, обращаясь к тем, кто сидел за самыми дальними партами.

Наличие вулканов воспринимается местным населением достаточно обыденно, а извержение как момент их присутствия.

Уже при полёте к столице Камчатского края видишь острые пики вулканов, подступивших к городу. Корякский, Авачинский, Козельский вулканы впечатляют своей мощью. Есть и поменьше: вулканы Ааг и Арик, возвышающиеся по левое «плечо» Корякского вулкана, но не

видимые из города. А вот от города Елизово хорошо виден ещё один вулкан — Вилючинский. Стройный. Массивный. Величественный. И всегда в белом одеянии нетаящих снегов.

Первые пять вулканов, которые «подарила» матушка-природа окрестностям Петропавловска-Камчатского именуют по-простому — «домашними». Особое тут отношение к ним. Они даже изображены на гербах Камчатского края и города Петропавловска-Камчатского. Следует особо отметить, что эти три вулкана никогда не «сходили» с герба Камчатского края. Уже на первом гербе, учреждённом в 1851 году тогда ещё только что образованной Камчатской области, «домашние» вулканы уже были на первом месте.

Вулканы Камчатки давно подсчитаны. Их количество перешагнуло цифру в три сотни. Из них десятка три действующих, что особо «радует» вулканологов. Для такого полуострова, как Камчатка, это много. Так уж случилось, что Камчатка вошла в так называемое «Огненное кольцо Тихого океана». Оттого на Камчатке работает целый Институт вулканологии и сейсмологии, единственный в России и передовой в мире.

Извержение вулкана всегда непредсказуемо. Оно как гром среди ясного неба! Так было с вулканом Корякский в 2009 году, так случается с Ключевской сопкой и другими вулканами. А вот Карымский вулкан вообще не даёт о себе забыть. В момент моего пребывания на Камчатке «работал» так, что дым столбом.

Вулкан — это грандиозное чудо природы. Если бы не вулканы и термальные источники, как бы человек узнал, что в чреве земли сосредоточены такие невиданные силы? А с вулканами всё «выплеснулось» наружу. Только изучай!

Когда следовали к подножию Авачинского вул-

кана, то ещё на расстоянии двадцати пяти — тридцати вёрст от него, ещё по руслу сухой реки (полноводной, бушующей лишь в период таяния снегов), стали встречаться нам огромные каменные глыбы. Как они могли тут оказаться? — спрашивал я сам себя. А ответ оказался прост! Эти глыбы-«бомбы» есть последствия извержения Авачинского, выброшенные им из глубин вулкана. Весь этот каменный хаос есть последствия вулканического взрыва. Мощным выбросом разметало эти камни по округе. Может быть, в последнее извержение, которое случилось в 1991 году, может, и в предыдущие.

Да что тут каменные глыбы! Вулканический пепел при хорошем извержении летит на сотни километров от вулкана, осыпая округу. В 1963 году пепел

от извержения Карымского вулкана накрыл город Петропавловск-Камчатский плотным слоем в несколько миллиметров.

Скажем прямо: вулкан вулкану рознь! И это правильно. Отличие тут во всём! И в величине, и в пологости вершины, и, конечно, в объёмах кратера и его местонахождении. Ну и, само собой, — действующий он или нет.

Когда говорят о камчатских вулканах, то первым делом вспоминают действующий вулкан Ключевская сопка — самый большой вулкан на Камчатке и на всём Евразийском континенте. Высота Ключевского ещё в росте. Что это такое? Просто после каждого своего массивного извержения пик вулкана поднимается. Пока измерили высоту в 4688 м над уровнем моря, и это, конечно, не предел.

Кратеры как отпечатки пальцев человека, не похожи друг на друга. У каждого вулкана свой кратер. Может быть ровным по краям или изрезанным зубцами, словно венцом

каменной короны. Кратеры могут быть сдвинуты с конуса или быть по самому центру вулкана. В кратерах потухших вулканов могут образовываться кислотные озёра. Воротник вулкана может быть широким, состоящим из множества перевалов и предгорий, или быть пологим и больше похожим на высокогорную долину. Основание действующего вулкана, его «стопа» может быть суровой, лишённой всякой растительности и, наоборот, утопать в зелени, если вулкан недействующий.

Вообще, когда смотришь от подножия вулкана на его вершину, то порой высота её кажется обманчива. Пустяк! — восклицаешь ты, думая о том, что забраться на пик вулкана — дело весьма нетрудное. Но это обман, мираж! И чем дальше ты поднимаешься, тем всё больше и больше начинаешь понимать, что вулкан суров на подъём.

...Есть в России особые праздники, как говорят, «по особенке местечка». Их не устанавливает власть, решение об их празднестве принимается народом. Поддержит народ — знать, тому и быть, уляжется праздник в годовой календарь.

На Камчатке свой именной праздник — День вулкана! О таком празднике я узнал с особым интересом. Нигде больше в России не встретишь такого торжества. Да так прижился этот поначалу неофициальный праздник в крае, что впоследствии стал официальным праздником Камчатского края. День вулкана — дань уважения камчатцев природе края. Приходится праздник на начало лета. Сразу решено было — место празднества менять ежегодно, дабы не «обижать» «домашние» вулканы! Вот и принимают они из года в год желанных гостей. Конечно, место празднества выбирают по погоде и насколько «проснулись» вулканы после снежной зимы. Не редки в такой день массовые восхождения на вулкан. А как же без этого!

Вот такие они, камчатские вулканы! Суровые и в то же время «домашние»! Даже свой собственный День имеют!

Большой Каменный: первый мост Москвы

Первые упоминания об этом сооружении относятся к началу XVI века. В те времена Всехсвятский мост, ныне носящий название Большого Каменного моста, принято считать первым мостом в Москве, построенным на месте, где ранее был брод через Москву-реку.

Хотя, если верить некоторым историческим источникам, ещё раньше был построен мост через Неглинку. Однако, поскольку сегодня Неглинка отведена под землю, этот факт можно не принимать во внимание.

Свое первое название мост получил от церкви Всех Святых, которая находилась на левом берегу реки.

Первоначально Всехсвятский мост, как и большинство сооружений того века, был наплавным. По нему через Москву-реку переправлялись с одного берега на другой торговцы из Рязани и Новгорода. Этот мост даже разводился для пропуска кораблей.

Позже, в 1692 году, на месте деревянного был построен каменный мост. Высота его составляла около 15 метров — этого было достаточно для судоходства того времени.

Сооружение прослужило до 1858 года, после чего было заменено на металлическое. Это был первый железный мост в Москве. Название «Каменный» менять не стали.

В 1938 году в рамках массовой реконструкции мостовых сооружений в пределах столицы Большой Каменный мост стал железобетонным. При этом, в процессе реконструкции, он был перенесен ниже по течению, в сторону Боровицкой площади. Это было сделано для более удобного подъезда к мосту.

Для созвучности названия и с декоративной целью была произведена облицовка конструкции гранитными плитами.

В настоящее время Большой Каменный мост в Москве представляет собой автомобильно-пешеходную конструкцию, соединяющую Боровицкую площадь и улицу Большая Полянка. Его общая длина составляет 487 метров, ширина — стандартная для такого рода сооружений — 40 метров. Проезжую часть от пешеходных тротуаров отделяют чугунные узорчатые перила. К набережным ведут удобные лестничные спуски.

Сказки

Тополиный пух

Однажды мама маленьких зайчиков ушла по своим делам, а их одних оставила.

Тут выпал снег. Они никогда ещё не видели зиму. Выбежали зайчики из своего дома и удивились. Вся полянка была усыпана чем-то белым-пребелым, только кустики остались целы.

Сестричка испуганно воскликнула:

— Это белые мухи, я их боюсь!

Братик её успокоил:

— Наверно, это тополиный пух. Давай его потрогаем.

Они осторожно лапками его пощупали, он оказался мягким, веет прохладой и не жужжит, как муха, и совсем не страшный, зато из него можно склеивать что угодно, даже футбольный мяч. И они скатали из пуха большой шар. Сестричка говорит:

— Давай, братик, в футбол играть. Наша полянка полем станет, а воротами кусты будут, твои ворота с одной стороны, мои с другой.

— Как здорово ты придумала! — обрадовался он (сестричка не придумала, она видела, как летом на полянке играли дети в футбол, и ей это понравилось).

И зайчики, ударяя по шару лапами, а то и головой, погнали его то к одному кусту, то к другому. Им было весело, и они от счастья верещали. Тут пришла мама. Зайчики её радостно встречают:

— Мама, какой замечательный пух насыпал тополь; вот бы так всегда было! С ним интересно играть!

— Какие вы у меня ещё малыши, много чего не знаете. Это пришла зима, и выпал белый снег. Он будет каждый год!

— Да пусть пух называется снегом, мы с этим согласны, — смеются зайчики, — нам с ним очень хорошо. — И они стали кувыркаться на пушистом мягком снегу, как на травке.

Запас

Жучка и Мурлыка жили на даче у Оли и повстречали во дворе Ежа, на спине у него на иглах было большое яблоко.

— Ты куда несешь это яблочко? — спросила его Жучка.

— Домой, запас к зиме заготавливаю, — отвечает он. — Снегом землю занесет, из дома не вылезешь.

— Какой ты молодец! — воскликнула Мурлыка. — Надо и нам запастись продуктами. А то наступят холода, на улицу не выйдешь.

И с этого дня друзья, Жучка и Мурлыка, остатки еды: сухарики, печенье, даже кусочки сыра — складывали в кучу и лапками рядом скребли, — им казалось, что они так запасы закапывают, чтоб никто их не заметил. Да видела это Оля и пристыдила:

— Вы же не Ежик, который живет на улице и ищет пропитание, а домашние мои животные, которых я кормлю. Зачем вам этот запас?

Молчат Жучка с Мурлыкой, не знают, что ответить. И тут появилась знакомая Мышка и радостно запищала:

— Пи! Пи! Это мне собрали к зиме!

Оля засмеялась:

— Хи! Хи! Так это твой запас? Ну, тогда забирай его в норку!

Жучка и Мурлыка были рады, что их выручила Мышка. Они поняли: никакой запас им не нужен, и от этого друзьям стало стыдно перед Олей.

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядков

Хотя статья и называется «Современные реалии», мы все равно будем говорить о перспективах. Космос — это и есть глобальная перспектива человечества. Но рассуждать будем с точки зрения того, что уже есть сейчас и какие реальные усилия делаются для решения поставленных на будущее задач. И раньше и сейчас можно услышать такие голоса: мол, зачем тратить эти гигантские деньги на космос, все равно он не дает немедленной практической выгоды, давайте решать насущные земные задачи...

Так вот космос — это и есть решение насущных проблем Земли. Космические технологии настолько пронизывают современную жизнь, что без них земная цивилизация остановится. Речь в первую очередь о космической связи — сейчас основные каналы в масштабах планеты — спутниковые. Одновременное отключение всей спутниковой связи, если сравнивать с живым организмом, было бы эквивалентно блокаде центральной нервной системы — т.е. полному параличу. Затем нужно сказать о спутниках, предназначенных для мониторинга — наблюдения за поверхностью Земли и низкими слоями атмосферы. Среди них важную роль играют метеорологические. В докосмическую эпоху метеорология строилась на многолетних наблюдениях и на системе погодных станций. Чем больше станций, тем точнее метеорологический прогноз. Сейчас достаточно нескольких спутников, дистанционно измеряющих параметры атмосферы.

Следующее важное приложение — картография и навигация. Оказывается, если запустить в космос на правильные орбиты 24 спутника, передающих синхронизированный сигнал, то несложное устройство, поймав сигнал хотя бы трех из этих спутников, сможет точно определить свое местоположение. Американская система GPS была укомплектована в 1993 году. Русский аналог под названием ГЛОНАСС — в 1995-м. В первую очередь система заинтересовала военных. Им она была нужна для наведения ракет. Но потом оказалось, что и в мирной жизни для нее найдется немало применений. Вооб-

Космический телескоп «Хаббл» на фоне картинки, полученной с его помощью

ще людям в погонах космос нравится. Наверное, им кажется, что он дает какие-то важные стратегические преимущества. Во всяком случае, на сегодня большинство существующих спутников — военные.

Но реализуются и чисто научные проекты. В 1990 году на орбиту вышел автоматический телескоп «Хаббл». Для астрономии это было началом новой эры — человек будто прозрел. Во-первых, из-за отсутствия атмосферы картинка стала в 10 раз четче. Во-вторых, для многих видов излучения атмосфера вообще непрозрачна. На заставке к статье — фрагмент изображения, полученного «Хабблом». Нет, небо в космосе не вы-

Девушка-тайконавт Лю Ян

глядит цветным. Эта картинка сделана таким образом, чтобы показать в видимых красках не видимые человеческому глазу излучения: инфракрасные и ультрафиолетовые.

Основной проект, на который сейчас тратится львиная доля космических денег, международная космическая станция (МКС), первый сегмент которой был запущен в 1998 году. МКС — это космический дом человечества — испытательный полигон новейших технологий. Очень характерно, что станция международная — ни одна страна не могла бы самостоятельно осуществить или хотя бы поддерживать такой масштабный проект. В проекте участвуют 14 стран: США, Россия, Канада, Япония и 10 европейских стран. Но станция по существующему договору будет летать до 2024 года. Американцы уже объявили, что те средства, которые тратятся на станцию, после закрытия проекта пойдут на реализацию марсианской программы. У человечества больше не будет космического дома...

По-видимому, космос снова станет ареной соревнования. Но теперь игроков будет уже трое — в 2003 году Китай, запустив своего, как они называют, тайконавта, стал державой, имеющей пилотируемую космонавтику. Забавно, что китайцы, первыми придумавшие ракету, вынуждены догонять другие страны. Но догоняют они такими темпами, что, по некоторым показателям, кажется, уже впереди. Так к тому времени, когда МКС прекратит свое существование, у Китая будет своя собственная многомодульная орбитальная станция.

Американцы, как было сказано, собираются на Марс. На данный момент планы таковы: в 2033 году совершить облет Марса и, может быть, посетить Фобос — самую боль-

шую из марсианских лун; а следующая экспедиция, в 2039 году, должна совершить посадку на Марс. И это не просто планы. Строится сверхтяжелый ракетоноситель «SLS» и предназначенный для полета космический корабль «Орион». А ближний, ограниченный земной орбитой космос отдается на откуп частной космонавтике. Это знаменитый Элон Маск со своей компанией «Спейс ИКС» и ещё две компании — «Боинг» и «Сьерра Невада», строящие каждая свой собственный корабль. Например, планируется, что после 2017 года все рейсы на МКС будут осуществлять корабли «Спейс ИКС».

Вообще поставленные американцами задачи очень непростые. Похоже, не пришло ещё то время, когда люди свободно, играючи будут перемещаться по Солнечной системе. Сейчас это если и возможно, то только усилиями на пределе возможного.

К сожалению, космические планы России, по в общем-то понятным причинам, остаются туманными. Космические исследования, равно как и фундаментальная наука, невозможны без политической стабильности. Было анонсировано, что в 2018 году будет готов космический двигатель нового поколения — ядерный. Но слухи о реализации проекта самые противоречивые. Вроде бы закончена постройка нового ракетоносителя «Ангара», который должен заменить не слишком надежный «Протон». Но и тут похоже, что это не новое слово в космической науке, а решение местечковых политических и экономических задач. В общем остро ощущается отсутствие новых конструктивных идей. А без новых идей русский космос готов превратиться в славную — но, увы, — историю. Где же вы, Циолковские двадцать первого века?

Международная космическая станция

Космический корабль «Орион»

Старт «Ангары» 23.12.2014

«...Ибо любовь эта

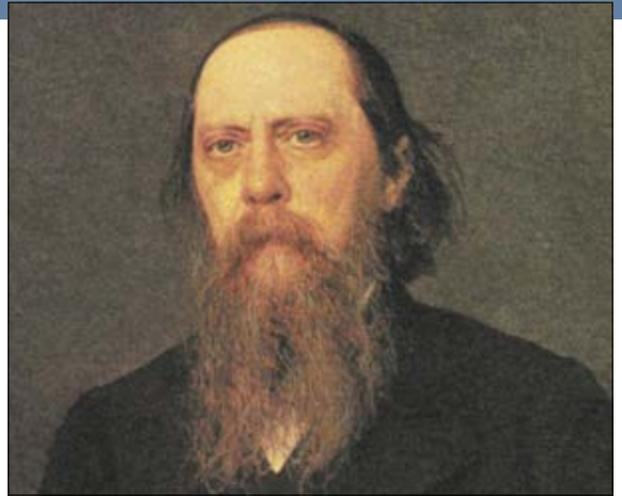
Замечательное свойство истинной классики — быть всегда интересной и полезной обществу, сколько бы лет ни прошло со времени создания произведения.

Так произошло и с уникальными повестями и сказками Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Как известно, сказки бывают разные: народные, что сложили сами люди в незапамятные времена, и литературные, принадлежащие перу писателя. В том числе сатирические, в коих замечательно преуспел Михаил Евграфович.

Но сначала о том, что родился он в дворянской помещичьей семье 27 января 1826 года в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии. Быть бы ему благополучным дворянином, жить-поживать да добра наживать, — ан нет, уже в детстве Михаил хорошо разглядел большую разницу между теми, кто постоянно работал, и теми, кто пользовался плодами труда своих крепостных. Обострённое чувство справедливости не принимало такое положение дел, и с возрастом он всё больше убеждался в своей правоте. А когда за отличную учёбу в Московском дворянском институте был переведён в знаменитый, пушкинский, Царскосельский лицей, — среди его увлечений на первом месте не случайно оказалась литература.

Конечно же, большую роль сыграло знакомство его с Виссарионом Григорьевичем Белинским, замечательным литературным критиком и мыслителем, чей авторитет был абсолютен, в том числе среди студентов. Это были сороковые годы XIX века, когда в России набирало силу демократическое движение, очень прогрессивное по тем временам и не менее опасное с точки зрения самодержавной власти. Вот почему первые же повести Салтыкова-Щедрина «Противоречие» и «Запутанное дело» вызвали её серьёзное недовольство, и вскоре он был отправлен на службу в провинциальную Вятку (ныне Киров). Вот уж где было раздолье для его наблюдательности, особенно в сфере чиновничьей жизни, что и выявилось в его «Губернских очерках» от имени «надворного советника Н. Щедрина», не очень-то приятных для тех, кто по старинке, по-крепостному правил в небольших городах и весях.

И. Крамской. М. Е. Салтыков-Щедрин

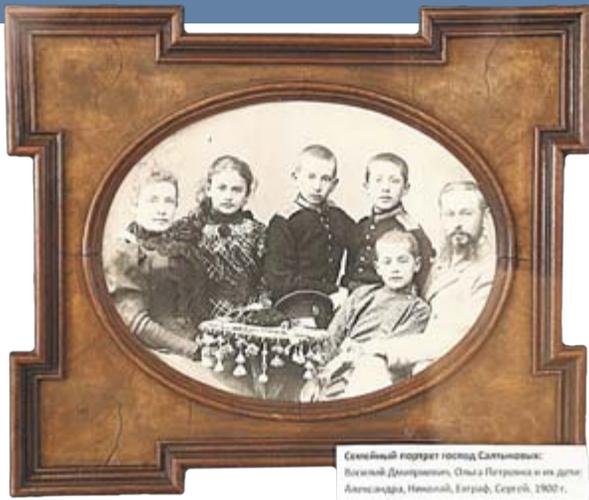
Материала для «Очерков» с лихвой хватило в Вятке, названной в произведении Крутогорском. И, коль скоро они были опубликованы почти сразу после возвращения Михаила Евграфовича в Петербург, вятский обыватель с особой пристрастностью искал и, как правило, находил прототипы героев «Очерков», чаще всего не в лучшем свете, и очень искренне недоумевал, а то и возмущался: как так? А не мы ли тепло и гостеприимно принимали молодого чиновника — образованного, приветливого, франтоватого, потенциального жениха? И отдали замуж за него не какую-нибудь там безродную девицу, а неаглядную дочку самого вице-губернатора — Елизавету Болтину! Родители небось извелись совсем, за кого выдали её: неблагодарного, ненадёжного, да что там, — опасного человека!.. Что за будущее ждёт её, страшно подумать! Новые ссылки мужа, немилость самого царя!..

Однако именно в эти годы Михаил Евграфович хорошо научился отличать сердечную доброту в людях от показной, видел большую разницу в общественном и материальном положении между теми, кто создавал богатства, и теми, кто ими владел. И потому так разноречивы среди горожан отзывы о нём. К примеру, жена его, Елизавета Аполлоновна, в своих воспоминаниях подчёркивала искренность молодого чиновника, рассказывала, что будущий муж охотно общался с членами её семьи, а когда узнал, что у неё и её сестры нет стоящего учебника по истории отечества, то сам составил его.

Понятно и то, что для светского, образованного молодого человека провинциальная жизнь в

даст тебе силу...»

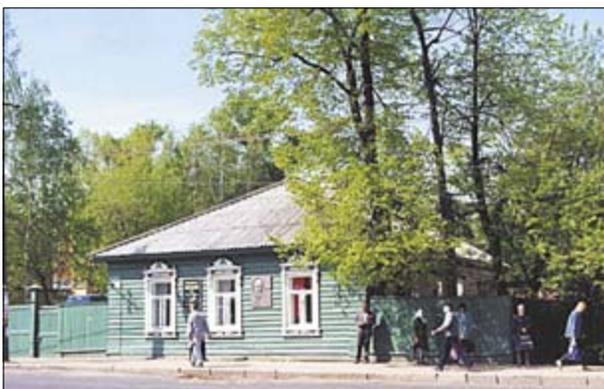

Семейный портрет господ Салтыковых:
Василий Дмитриевич, Ольга Петровна и их дети:
Александра, Николай, Евграф, Сергей, 1800 г.

Семейный портрет Салтыковых-Щедриных

Вятке конечно же не отличалась разнообразием, зато оставляла время для творчества. Его очерки порой переходили в прямую публицистику, что открывало читателю острый ум автора, умение анализировать ситуацию и, главное, его горячее желание исправить положение дел в России. «О провинция! Ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самодеятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!» И уже собираясь покинуть Вятку: «Уже ли я в Крутогорске оставил часть самого себя?» — спрашиваю я мысленно. Но текущие по щекам слезы, но вырывающиеся из груди вздохи красноречивее слов отвечают на этот вопрос! «Да! Не мог же я жить даром столько лет, не мог не оставить после себя никакого следа!» («Губернские очерки»).

Время ответило совершенно определённо на этот вопрос. Именно в Вятке (тогда уже в Кирове) в 1968 году был создан первый в стране Литературный музей им. Салтыкова-Щедрина, который плодотворно работает и в наши дни.

Дом-музей М. Салтыкова-Щедрина в городе Кирове

Кабинет М. Салтыкова-Щедрина

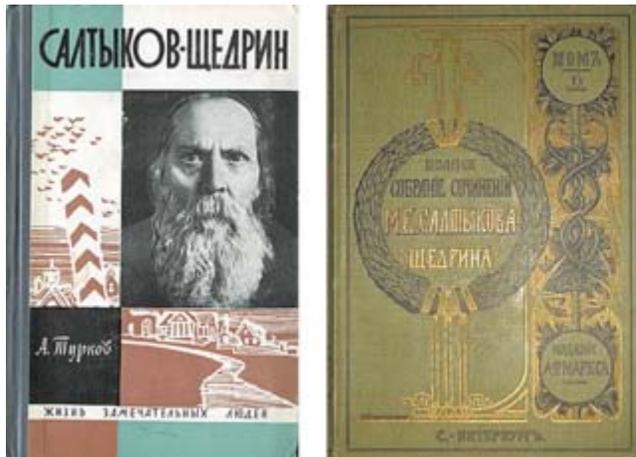
«Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России», — откровенно говорил Салтыков-Щедрин. И добавлял: «И в торжественные години, и в будни идея отечества одинаково должна быть присуща сынам его, ибо только при ясном её сознании человек приобретает право назвать себя гражданином». Без сомнения, сам писатель такой экзамен выдержал, и в течение жизни, помимо основной творческой работы, немало размышлял на эту тему. Замечательный знаток русской речи, умеющий пользоваться её «золотыми запасами», Михаил Евграфович нередко «выдавал на-гора» афоризмы, в которых глубина и точность языка дополняют друг друга, соединяя простые, кажется, слова в один драгоценный сплав.

Возвращаясь к его прозе, нельзя не отметить, что в полную меру проявился талант писателя в «Истории одного города», — уже опытного автора, «обстрелянного» либеральной критикой. В повести этой нашли отражение картины всё той же провинциальной жизни, но уже наделённые мощными сатирическими красками. И посудите, кто только не владел городом Глуповом в XVIII веке! Это и Василиск Семенович Бородавкин, который сочинял устав о «нестеснении градоначальников законами». Первый и единственный параграф этого устава гласил так: «Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя. И тогда все сие, сделавшись невидимым, много тебя в действии облегчит». И такие, к примеру, градоначальники, о которых повествует летопись города Глупова:

«Клементий, Амадей Мануйлович. Вывезен из Италии Бироном, герцогом Курляндским, за ис-

кусную стряпню макарон; Ламврокакис, беглый грек, без имени и отчества, и даже без чина, пойманный графом Кириллом Разумовским в Нежине, на базаре. Торговал греческим мылом, губкою и орехами; сверх того, был сторонником классического образования. В 1756 году был найден в постели, заеденный клопами».

Невозможно без смеха читать подобные страницы.

Такой едкой сатиры на властителей губернского уровня ещё в нашей литературе не было, по всему поэтому терпение высоких петербургских особ в конце концов иссякло, и в 1868 году Салтыков-Щедрин императором Александром II был решительно уволен в отставку как «чиновник, проникнутый идеями, не согласными с видами государственной пользы».

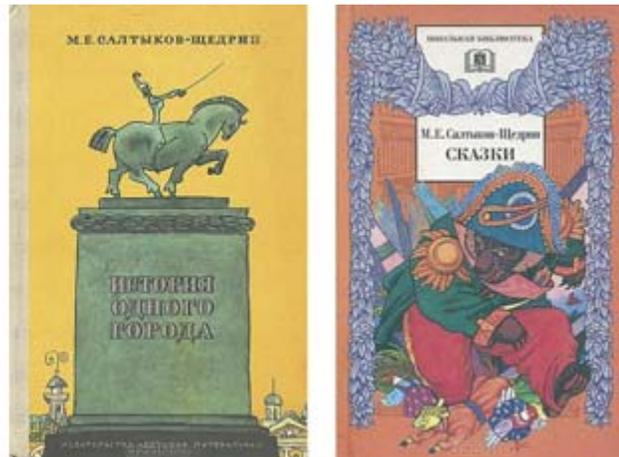
Нет худа без добра, и Михаил Евграфович полностью отдаётся литературе, в том числе своим знаменитым сказкам, в которых наравне присутствуют и фантастика, и реальность — всё на той же сатирической основе.

Вспомним известную сказку «Как один мужик двух генералов прокормил».

Нет сомнения, погибать бы двум генералам на необитаемом острове, если бы не мужик, которого они отыскивали и, как обычно, заставили на себя работать. А тот «Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблок, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунейдцу частичку?»

Замечателен и сам язык сказок, близкий к народному. В ход идут и пословицы, и поговорки, и присказки. И потому с таким удовольствием читает их и малый, и старый. Да вот, посудите: «Не давши слова — крепись, а давши — держись!», «Двум смертям не бывать, одной не ми-

новать», «Уши выше лба не растут», «Моя изба с краю» и многие другие — из сокровищницы народного творчества. Но главное, что и язык писателя естественно гармонирует с ними, творя истинное художественное произведение. Тот же многим известный рассказ «Премудрый пескарь», где главный герой, дабы его не потревожили волны житейского моря, все свои годы просидел на дне в глубокой яме.

«Начал он этим умом раскидывать и видит: куда ни обернется — везде ему мат. Кругом, в воде, всё большие рыбы плавают, а он всех меньше; всякая рыба его заглотать может, а он никого заглотать не может. Да и не понимает: зачем глотать?»

Лежит он день-деньской в норе, ночей недосыпает, куска недоедает, и все-то думает: «Кажется, что я жив? ах, что-то завтра будет?» Что с того, что ничего, кроме этой ямы, пескарь и не видел на своём веку, что всё это время дрожал от страха один-одинёшенек, что питался впроголодь, — зато жив остался.

Однако перу Михаила Евграфовича принадлежат и два известных романа — «Господа Головлевы» и «Современная идиллия». В первом писатель продолжает традиции Тургенева, Гоголя, Толстого, Гончарова и по художественному уровню произведения встаёт в один ряд с этими классиками. В романе — своеобразный приговор господству помещиков, их паразитической сущности для общества, их нравственному разрушению. Интересно, что и в наши дни пьеса по этому произведению смотрится с большим интересом, ибо и ныне немало желающих пожить за чужой счёт. Вот только нет на них нового Салтыкова-Щедрина.

В романе же «Современная идиллия» писатель ярко показывает малодушие и трусость той части интеллигенции, которая, боясь потерять крохи своего благополучия, всеми силами старается отойти от правды жизни, закрыть глаза на многие несправедливости, выслужиться перед сильными мира сего, обнажая перед обще-

Следы, которые мы оставляем

ством своё нравственное и политическое падение. «Подхалимовы, — уверен писатель, — это особенная порода такая объявилась, у которой на знамени написано: «Ври и будь свободен от меры».

Естественно, что не все насущные вопросы удавалось поднять в произведениях, и тогда писатель снова обращался к краткому, афористичному языку. И удивительно, что многое более чем актуально и в наши дни:

«Талант сам по себе бесцветен и приобретает окраску только в применении».

И, наконец, самое-самое: «А главное все-таки: люби, люби и люби свое отечество! Ибо любовь эта даст тебе силу, и все остальное без труда совершишь».

Словом, есть над чем подумать на досуге. А возьмёшь сказки Салтыкова-Щедрина — и не грех от души посмеяться, хотя и про «намёк» не забудешь. Главное, что это истинная литература, не на один день и даже век. И можно просто получать удовольствие, как от любой, согретой талантом, вещи. Да и сам Михаил Евграфович дал нам напутствие:

«Нет более просветляющего, очищающего душу чувства, как то, которое ощущает человек при знакомстве с великим художественным произведением». И Салтыков-Щедрин всю жизнь стремился создавать именно такие книги.

В нашем дворе есть детская площадка. Когда в соседней школе заканчиваются занятия, сюда приходят ученики.

Сначала появляются ребята младших классов: мальчишки и девчонки. Они рассаживаются на скамейках, хрустят чипсами и пьют фанту. После них на земле остаются упаковки и пластмассовые бутылки.

Потом приходят ребята постарше. Они пьют уже другие напитки. И тоже после их ухода возле скамеек валяются пустые бутылки изпод пива и банки.

Там можно увидеть и водочные бутылки. Их оставили уже взрослые.

«Ну, и что тут такого? И на нашей детской площадке то же самое. Подумаешь!» — скажет кто-нибудь из наших читателей.

А ты подумай! О людях и следах, которые они оставляют на земле.

Одни успешно учатся, а когда вырастут, разводят сады, строят дома, пишут картины, сочиняют стихи... А другие оставляют после себя одни пустые бутылки да скомканные обертки.

О Ашипки

Алёша Попович зорко смотрел в затылок Илье Муромцу.

Она не слышала от него ни одного ласкового слова, кроме слова дура.

Онегин был богатый человек: по утрам он сидел в уборной, а потом ехал в цирк.

Рабочие оберегали жизнь Ильича и, чтобы его обезопасить, они решили послать его подальше.

Репин шёл по берегу Невы и увидел бурлаков на Волге.

Советский народ не только вершит дела на земле, но забрался и в космос.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!
ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ
ВНИМАНИЮ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ «ЗОЛОТОЕ СОЛНЫШКО».
ЭТО ЖУРНАЛ О ЗАНИМАТЕЛЬНОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ, СОЗДАННЫЙ
ДЕТЬМИ И ДЛЯ ВСЕХ
(ПОД РУКОВОДСТВОМ
МАХАНОВОЙ Е.А., УЧИТЕЛЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
СОШ № 1022 И ДОМАШНЕЙ ШКОЛЫ
INTERNETUROK).

Ярослав Потапенко, 15 лет

Мечта старого скрипача

В давние времена в одной далёкой стране жил скрипач. Скрипка пела и плакала в его руках, и отступали заботы и печали от тех людей, что слушали звуки чудесной скрипки. У музыканта давно умерла жена, и он один воспитывал сына, которого любил больше жизни. Он учил мальчика всему, что знал сам. Сын, его звали Якоб, унаследовал от отца прекрасный музыкальный слух, а от матери — красоту. Все соседи восторгались мальчиком, и каждый мечтал иметь такого сына.

— Учись, Якоб, — говорил старый скрипач, — ведь я не вечен, скоро тебе придётся самому зарабатывать на жизнь.

Но сын только смеялся в ответ и не проявлял особого старания и прилежания, учась игре на скрипке.

Прошли годы. Постарел отец и стал часто болеть. Вот однажды он подозвал к себе юношу и сказал ему:

— Скоро ты останешься один, Якоб. Выполни мою последнюю просьбу. Возьми это семя, посади перед домом и хорошо ухаживай за растением. Вырастет из него чудесное дерево, оно поможет тебе в трудную минуту.

Отец дал любимому сыну маленькое семя и попросил пока сохранить его. Вскоре старого музыканта не стало. Свою скрипку он оставил Якобу. А больше, кроме ма-

ленького домика с садом вокруг, оставлять было нечего. Пока отец болел, у них накопилось много долгов. Чтобы расплатиться с ними, Якобу пришлось продать скрипку. Потом он выполнил наказ отца: посадил семя около дома между двумя соснами. Юноша старательно ухаживал за растением. Вскоре вырос необыкновенной красоты клён. Люди любовались чудесным деревом и не забывали помянуть старого музыканта добрым словом.

Однажды Якоб сидел под деревом, на душе у него было тяжело. Он вспомнил отца, его любовь, доброту, талант, страстную мечту сделать из сына прекрасного музыканта. Горько заплакал юноша, осуждая себя за лень, нерадивость, нежелание стать нужным людям. Он не знал никакого ремесла, которое могло бы его прокормить, а к обучению музыке относился несерьёзно. Так и осталась мечта отца несбывшейся. Горько плача и причитая, Якоб уснул под деревом. Во сне он услышал тихий шелест листы. Это был чуть слышный шёпот. Казалось, что говорит его дерево. Юноша разобрал несколько слов:

— Сделай скрипку из моей древесины, трудись и учись не покладая рук, тогда тебе покорится весь мир.

Якоб удивился во сне и подумал:

— Откуда дерево может знать, что мне делать, как исправить обиду, что я причинил отцу?

А дерево, как будто услышав его мысли, продолжало:

— Это тебе твой отец оставил в наследство свой талант. Работай над собой, стремись к вершинам в своём мастерстве и радуй людей.

Проснувшись, он вспомнил свой сон и решил последовать полученному совету. Якоб заказал прекрасную скрипку из волшебной древесины и много лет серьёзно учился музыке у самых лучших учителей.

Прошли годы, и не было уголка на земле, где бы не слышали о необыкновенном таланте Якоба и его чудесной скрипке. Игра молодого музыканта заставляла людей забывать невзгоды, смеяться и плакать, грустить и надеяться на лучшее будущее.

Так сбылась мечта старого скрипача. Ведь сын продолжил дело всей его жизни. Теперь талантливый музыкант нёс своим волшебным искусством счастье и радость людям. И это делало его счастливым.

ИГРОТЕКА . ОТВЕТЫ :

1. Гроба.
2. Пещера.
3. Сдвинут.
4. Обряд.
5. Воскресенье.
6. Вход.
7. Тела.
8. Иисус.
9. Камнем.
10. Стражу.
11. Третий.
12. Весть.
13. Жив.
14. Елей.
15. Ангелов.
15. Дверь.

Наш ВЕРНИСАЖ

1

2

4

Работы воспитанников
библиотеки № 2 им. Ю. Трифонова.
Педагог — Мария Помазкова.

1. Помазкова Катя, 4 года
2. Шебаршина Дуся, 6 лет.
3. Осташкина Полина, 5 лет
4. Иванова Настя, 5 лет

3

РОМАН-ГАЗЕТА 4 етская

2016 (202)

О & Ашишки

«Творчество Дионисия — ликующая светлая песнь в красках, прославляющих добро и красоту, — явилось выражением блестящего расцвета культуры и искусства эпохи, когда молодое Русское государство утверждало своё могущество».

Н. А. Фёдорова

Дионисий. Спас в Силах. 1497 г.

УГОЛОК РОССИИ:
День вулкана

РАССКАЗЫ:
Звёздный путь

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Тополиный пух